

**РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

А.Ю. Бендин

В статье рассматриваются проблемы, вызванные борьбой интересов российского правительства и Православной церкви с одной стороны, и католической церкви, с другой. Автор исследует мотивы, которыми руководствовались противоборствующие стороны в борьбе за религиозно-этническое доминирование в Северо-Западном крае. В статье исследуются трансформации, произошедшие в практике межконфессиональных отношений после издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Ключевые слова: этническое самосознание, идентичность, веротерпимость, церковная миссия, русификация, прозелитизм

К началу XX столетия Северо-Западный край Российской империи характеризовался особым религиозно-этническим многообразием среди других регионов Российской империи¹. С включением белорусско-литовских земель в состав Российской империи на её западных окраинах на протяжении XIX – начала XX вв. происходила сложная борьба за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения этих земель к Речи Посполитой или к Российской империи. Целью предлагаемого исследования является попытка выяснения политических, религиозных и этнических мотивов, которыми руководствовались противоборствующие стороны в борьбе за свои интересы в рамках действовавших правил, т. е. законодательства о веротерпимости.

Восстание 1863 г. показало правительству, что действия и мотивы отдельных групп католического духовенства перестали соответствовать своим религиозным

¹ Северо-Западный край включал в себя губернии – Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилёвскую. По определению профессора Н.И. Петрова, во второй половине XIX в. Белоруссия как регионально-этнический феномен включала в себя Могилёвскую и Витебскую губернии, за исключением трёх уездов последней – Динабургского, Люцинского и Режицкого. Белорусы проживали также в губерниях Минской и Гродненской, за исключением южных уездов, населённых малороссами, в большей части Виленской губернии, за исключением её северо-западного региона, и в Смоленской губернии. В этническом отношении народонаселение региона выглядело следующим образом: славян русских 3 474 883, поляков 744 410, литовцев 2 295 300, евреев 1 200 522, немцев 149 020, татар 14 839; разных народностей 74 598, всего – 7 953 573 человек. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края включал в себя: православных (со старообрядцами) 3 699 995 или 49,3 %; католиков 2 677 619 или 34,2 %; евреев 1 200 522 или 15%; прочих вероисповеданий 105 437, или 1,5%. (См.: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано при МВД П.Н. Батюшковым. СПб., 1890. С. 1, 373; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. Вып. 2. С. 35).

целям и приобрели радикальный политический характер. Деятельность этих священнослужителей была связана с пропагандой восстания, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием антиправительственных вооружённых формирований, посягательством на целостность Российского государства. Участие ксендзов и монашествующих в восстании в качестве непосредственных участников и лидеров мятежников повлекло за собой аресты и казни духовных лиц, виновных в государственных преступлениях, закрытие в административном порядке ряда монастырей и многих десятков костёлов и часовен. Католические костёлы, как правило, вместе с церковным имуществом передавались под управление православного ведомства, а затем переосвящались духовенством в православные храмы. Защита национальной польской идеи в форме вооружённой борьбы и противоправная миссионерская деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжёлым негативным последствиям. В результате принятых чрезвычайных мер по закрытию костёлов и монастырей позиции католицизма на территории края – религиозные, социальные, экономические и этнокультурные – к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены².

Анализируя причины восстания, администрация генерал-губернаторов края М.Н. Муравьёва, К.П. фон Кауфмана и Э.Т. Баранова (1863–1868 гг.) исходила из убеждения, что местный католицизм исторически представлял собой явление религиозно, этнически и политически враждебное «православию и русской народности». Следовательно, миссионерская экспансия католического духовенства на западнорусских землях рассматривалась как деятельность, преследовавшая религиозные и политические цели – вытеснить традиционное православие с его канонической территории с последующим «католичиванием» и «ополячением» местного славянского населения. Развёрнутая идеологическая концепция, характеризующая позицию администрации в отношении местного католицизма, содержится в материалах Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, созданной при генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане в Вильно в 1866 г.

В записке о деятельности этой комиссии, составленной А. Стороженко, в частности отмечалось: «Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде... Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизма. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам... Это определило особую религиозную враждебность здешнего католицизма к православию... Католицизм Северо-Западного края давно переступил за пределы свои как религия. Политическая враждебная деятельность его против России, фанатическая нетерпимость и пропаганда против православия не требуют доказательств. Ввиду этого, не обязано ли государство сдерживать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы, – изъять из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного?»³.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863г. Вильна, 1892. С. 67; Государственный исторический архив Литвы (далее – ГИАЛ). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64.

³ ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64.

Такая оценка конечных результатов католической миссии, подготовившей религиозно-этническую мобилизацию повстанцев в 1863 г., позволяла сделать вывод о том, что ревностная приверженность к католицизму значительных групп населения явилась необходимым идеологическим условием, без которого антироссийское восстание на этих традиционно русских землях было бы невозможно. Сохранение же в существующем виде силы, влияния, масштабов и методов распространения католической веры на территории края представлялось политически опасным. Администрация исходила из того, что сформированный местной католической традицией антиправительственный и миссионерский потенциал местного духовенства несёт в себе реальную угрозу возникновения новых сепаратистских выступлений и требует введения системы соответствующих ограничительных мер⁴.

Одним из эффективных инструментов социального производства польской этничности стала миссионерская работа духовенства по обращению белорусов – православных и униатов (католиков восточного обряда) – в католичество (латинского обряда). Созданные в результате церковной миссии католические приходы для белорусского униатского, а затем и православного населения, принадлежавшего к «русской вере», становились точками роста и формирования польского этнического самосознания прихожан, никогда не являвшихся этническими поляками. Отождествление католицизма с польской идентичностью, осуществляемое духовенством в жизни приходов, применение польского языка в проповеди, дополнительном богослужении, в молитвословах, а значит, и в повседневной молитвенной практике конструировали новое этническое самосознание бывших приверженцев «русской веры». Происходила трансформации традиционного русского культурного кода и превращение его в иноэтничный, польский. Новый культурный код в форме национального языка, поведенческих и ценностных стереотипов был усвоен прежде всего местной элитой – помещиками и шляхтой, что придавало польской идентичности, а следовательно, и католичеству высокий социальный престиж среди крестьянского населения⁵.

Территориально-контактная среда и жёсткая централизация управления способствовали формированию высокого уровня внутренней церковной сплочённости католических общин. Эти приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а после 1839 г. – православного населения, являлись эффективной формой организации религиозной жизни прихожан, интегрируя иноэтничных представителей различных сословий в новую конфессионально-этническую общность. В таких приходах структура народной жизни всё больше определялась польской церковной традицией. Тем самым принадлежность к католической церкви способствовала формированию новой этнической самоидентификации прихожан, а местный католицизм приобретал этноцентрический польский характер. Католические приходы стали тем религиозным институтом, который формировал новые этнические традиции, осуществлял межпоколенную преемственность этих традиций и обеспечивал действенный социальный контроль над их соблюдением.

⁴ Политические записки графа М.Н. Муравьёва // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; *Граф М.Н. Муравьёв*. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863–1864 г. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 9–56; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 62–63.

⁵ «Католическая вера... есть действительно вера “панская”, а православие “вера хлопская”» (*Миловидов А.И.* Меры, принятые графом М.Н. Муравьёвым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 17).

Инструментами такого контроля со стороны духовенства были, по словам А.И. Миловидова, «костёл, конфессионал, кафедра, кляштор и школа»⁶.

Политика правительства в решении вопроса об отношении к местному католицизму заключалась в том, чтобы, не отказываясь от соблюдения правовых норм веротерпимости, разъединять исторически сложившуюся сопряжённость религиозных и национально-политических задач, характерную для деятельности части католического духовенства в Северо-Западном крае, и вводить эту деятельность в сугубо религиозное и законопослушное русло. Политическим инструментом такого разъединения стала практика администрирования, особая сложность применения которой заключалась в том, чтобы при осуществлении мер ограничительного характера не давать повода латинскому духовенству и местному населению для обвинения правительства в противозаконном преследовании католической веры⁷.

В дополнение к существующим законам, регулировавшим деятельность Римско-католической церкви, в Северо-Западном крае вводился ряд административных распоряжений, которые ограничивали религиозное влияние духовенства на канонически подвластное ему население. Необходимость таких мер мотивировалась тем, что духовная власть этого духовенства в условиях конфликта легко трансформируется в политическую, которая может стать конкурентом государственной власти в Северо-Западном крае. Опыт восстания свидетельствовал, что ревностная религиозная приверженность духовенства и мирян к польскому католицизму стала для многих из них препятствием для законопослушания и политической лояльности к российской монархии. Поэтому введённые ограничения ритуально-обрядовой составляющей римско-католического культа, система штрафов, контроль за передвижениями духовенства, назначением его на приходы и административные церковные должности были вызваны чрезвычайными политическими причинами и не исходили непосредственно из действовавших правовых норм веротерпимости. Эти ограничения носили долговременный характер и, за известными исключениями, продолжали действовать в крае вплоть до начала XX столетия⁸.

Указанные распоряжения административных властей явились составной частью политики системной русификации, или обрусения Северо-Западного края, осуществляемой правительством с целью упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством. Предполагалось, что осуществление этой политики существенно сократит степень воздействия католической церкви на местное население и ослабит постоянную угрозу польского сепаратизма на западных окраинах Российской империи⁹.

⁶ Миловидов А.И. Указ. соч. С. 5.

⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 16. Д. 51. Л. 23–28; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 5.

⁸ ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5 Д. 748. Л. 1–3об; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Л. 18, 33.

⁹ Там же. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3; Оп. 1866. Д. 46. Л. 18, 33, 50об; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48об; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 6; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64; Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьёва для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34; Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.

Религиозной составляющей политики обрусения края стала государственная поддержка миссии православной церкви, активное строительство храмов, открытие новых приходов, рост церковно-приходских школ и расширение этнических границ «русской народности» – белорусов – путём обращения католиков в православие. Опыт восстания убедил правительство, что приверженность белорусов к русской церкви является своего рода иммунитетом против социальной и национальной пропаганды польских сепаратистов. Политика обрусения населения с экономической, социальной и культурной точек зрения преследовала общую цель – модернизацию региона и системную интеграцию его в состав Российской империи. Усиление позиций православной церкви в западных епархиях наряду с территориальным расширением её границ должно было способствовать ускорению религиозной интеграции белорусской паствы в конфессионально-этническую общность большого русского народа, состоявшего из православных белорусов, малороссов и великороссов. Следует отметить, что понятие «русский», бытовавшее в этот период, не являлось этнонимом в своём прямом значении. Для этого понятия было характерно не узкоэтническое, а конфессиональное содержание, делавшее его инклюзивным, расширительным.

Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., всё этнические группы, принадлежавшие к православной церкви – малороссы, великороссы и белорусы – считались русскими. Поэтому понятия «русский» и «белорусский» не исключали друг друга, а наоборот, являлись синонимами. Они налагались один на другой, составляя не гомогенное целое, но культурно сложное единство, формирующееся на основе общей православной идентичности, русского языка и церковнославянского языка богослужения¹⁰.

Политика русификации не ставила своей целью насильственно переделать белоруса в великоросса, как это бездоказательно утверждает белорусская «национальная» историография¹¹. Речь шла о процессе интеграции этнически родственных православных белорусов в состав большого русского народа, который протекал на основе общих конфессиональных и культурных ценностей. В результате политики обрусения культурный код православных белорусов не приобретал иноэтническое содержание, как это зачастую происходило в результате католического прозелитизма и влияния польской культуры. По мысли известного русского лингвиста Н.С. Трубецкого, в силу изначально высокой степени этноязыковой однородности восточнославянского культурного пространства, этот культурный код

¹⁰ Русское дело на окраинах: Сб. статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае / Сост. С.В. Шолкович. Вильна., 1887. Вып. 2. С. 447. Следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусскоязычной литературы на кириллице, несмотря на уверения некоторых белорусских историков, в действительности *никогда* не существовало (См.: *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 261–292).

¹¹ *Біч М.* Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мн., 1993. С. 4; *Снапкоўская С.У.* Гісторыя адукацыі і педагогічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.). Мн., 2001. С. 132; *Яноўская В.* Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мн., 2002. С. 140; *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава.* Мн., 1998. С. 71.

включался в совместные цивилизационные усилия великороссов, малороссов и белорусов по созданию «высокой» русской культуры¹².

Интересы местного католицизма, последовательно и настойчиво отстаивавшего польскую идентичность своей паствы, и политика интеграции, осуществляемая правительством, находились в постоянном противоречии. В связи с этими обстоятельствами системная русификация края и проблемы межконфессиональных отношений оказались взаимосвязанными¹³.

Для непримиримо настроенной части католических священнослужителей и паствы правовые и административные ограничения придавали новый импульс для сохранения настроений религиозного и национального протеста. Для этих настроений было характерно негативное отношение к православию не только как к чуждой, «схизматической» церкви, но и как к олицетворению российской государственности и «русской народности». На практике это означало противодействие ксендзов заключению смешанных браков католиков с православными, незаконное преподавание св. таинств лицам, формально числившимся православными, прозелитизм, создание тайных польских школ для обучения закону Божьему, запрещение католикам посещать православные церковно-приходские школы, порицание православия и русофобию¹⁴.

Религиозной основой миссионерства являлось догматическое учение, в соответствии с которым единственной истинной и непогрешимой церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является церковь Римская. Позиция сотериологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла рассматривать православных как схизматиков, т. е. раскольников, которые отпали от истинной церкви и которых необходимо для их же спасения возвратить в лоно католицизма. Миссионерские приёмы, к которым прибегали ксендзы для обращения схизматиков в католицизм, являлись противоправными, так как законы Российского государства карали лиц духовных и светских, виновных в прозелитизме среди православного населения. «Совращение» православных подданных империи в инославию, иноверие и «раскол» означало посягательство на права «господствующей» в империи православной церкви и расценивалось российским законодательством в качестве противоправного действия, наказуемого в уголовном порядке. Поэтому существовавшее противоречие между вероучением католической церкви, вменяющей миссию среди схизматиков-православных в обязанность духовенству, и российским законодательством, запрещавшим подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны православного государства. Против ксендзов, занимавшихся прозелитизмом среди православных, предпринимались меры уголовного и административного характера¹⁵.

¹² Шевченко К.В. Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006; Русский сборник: Исследования по истории России / Ред., сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Менниг, Пол Чейсти. М., 2008. Т. V. С. 328-329.

¹³ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. Вып. 1. С. 325.

¹⁴ ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Л. 1–4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Л. 17–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077(а). Л. 194; Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 167; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 13–29; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 25–27; Котович И. *прот.* Циркуляр виленского римско-католического епископа Зверовича к подведомственному ему духовенству // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 258. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 262. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 264. Л. 4; Ф. 821. Оп. 3. Д. 265. Л. 6–7; Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194, 209.

Проявлениями враждебных настроений и случаев прозелитизма со стороны ксендзов и части паствы по отношению к православию проблемы религиозной напряжённости в Северо-Западном крае не исчерпывались. К началу XX столетия нерешённой оставалась проблема «упорствующих» в латинстве. Как правило, ими являлись бывшие униаты, переведённые в православие после 1839 г. и не сумевшие доказать свою принадлежность к Римско-католической церкви, и часть католиков, которые после подавления польского восстания 1863 г. перешли в православие, но затем, спустя некоторое время, по разным причинам решили вернуться в католицизм. Относительно последней группы «упорствующих» имеются многочисленные свидетельства о том, что переход в православие целых католических приходов осуществлялся в этот период не без помощи административного нажима¹⁶.

Имелись также случаи перехода в православие по причинам материальной выгоды, в частности получение принявшими православие местными католиками казённой земли в Виленском уезде. Эти люди формально, по приходским спискам числились православными, но отказывались исполнять христианские обязанности по православному обряду и при этом не могли выйти из православной церкви и присоединиться к церкви Римско-католической. В результате неподчинения канонической дисциплине православной церкви эти лица теряли ряд гражданских прав, в частности не могли заключать законные браки, поэтому их дети являлись незаконнорожденными, появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т. д. В свою очередь католические священники под угрозой наказания не могли принимать «упорствующих» для участия в таинствах и обрядах своей церкви, значит, эти лица с точки зрения канонического права обеих церквей оказывались вне церковных стен, следовательно, вне религии¹⁷.

Существовали и так называемые «колеблющиеся», формально соблюдавшие православную церковную дисциплину, но не сделавшие окончательно в силу существовавшего запрета свой конфессиональный выбор.

Появление проблемы «упорствующих» и «колеблющихся» связано с тем, что российское законодательство исходило из принципа формальной легализации вероисповедной принадлежности. По разъяснению обер-прокурора Святейшего синода, сделанному в отчёте за 1886 г. «вероисповедная принадлежность православных определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении, крещении или присоединении известного лица к православной церкви, *так как закон российского государства не признаёт отпадения от православия* (курсив наш. – А.Б.)»¹⁸. В основе этого правового запрета лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры – православия – может быть сделан всего один раз и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах избранной церкви.

¹⁶ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos*. Vilnius, 2005. *Metraštis XXVI*. С. 308–345.

¹⁷ Невозможность для «упорствующих» пользоваться семейным законодательством объясняется тем, что с церковной точки зрения брак является таинством, которое совершает православная церковь, и только такой брак государство считало законным.

¹⁸ Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: Сб. статей. СПб., 1905. С. 233.

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в империи имела и традиционное этнополитическое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме»¹⁹.

Отсюда закон, защищая достоверность русской церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым её монопольное право на исключительную власть над находящимся в её юрисдикции населением, прежде всего – над религиозно-этнической группой русских – великороссов, малороссов и белорусов. Легальная привилегия православия выступать в качестве единственной истинной религии русского большинства населения, являлась одним из инструментов политики, направленной на сохранение целостности Российской империи.

* * *

К концу XIX в. религиозно-этническая политика правительства в Северо-Западном крае приобрела инерционный характер. Феномен существования «упорствующих», продолжавших отстаивать своё право на возвращение в католичество, наличие тайных школ для обучения закону Божьему на польском языке, действие административных распоряжений, подменяющих собой правовые нормы, свидетельствовали о накопившихся противоречиях между принципом «свободы веры» для неправославного населения империи, закреплённым в Основных законах, и привилегированным статусом «господствующей» церкви. Выход из этого противоречия можно было осуществить только с помощью реформирования существовавшего законодательства о веротерпимости.

Император Николай II, просматривая отчёт минского губернатора Мусина-Пушкина за 1902 г., обратил внимание на ту часть доклада, в которой говорилось о положении проживавших в некоторых уездах губернии «упорствующих» в латинстве. Губернатор писал: «Положение этих лиц представляется крайне тяжёлым. Приписанные против воли к числу прихожан Православной церкви, они в таковую не ходят и обрядов её не исполняют. С другой же стороны, католическое духовенство, в силу официального присоединения, треб для них не исполняет, в силу чего дети “упорствующих” в целых деревнях и посёлках остаются некрещёнными, а мёртвые без христианского погребения. Эта жизнь вне Церкви и даже вне христианства представляется ужасной с не только нравственной стороны, но и вызывает весьма серьёзные административные осложнения... Во избежание всего вышеизложенного, в целях дать возможность 9500 человеческих душ помолиться Господу Богу и вернуть их Церкви, будет она православная или римско-католическая, мне представлялось бы крайне нужным вопрос этот рассмотреть и установить в деле “упорствующих” какой-либо порядок»²⁰.

¹⁹ Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89.

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108.

В соответствии с резолюцией императора министром внутренних дел В.К. Плеве в апреле 1904 г был подготовлен доклад, в котором Николаю II давалось разъяснение по вопросу об «упорствующих», который был поставлен минским губернатором Мусиным-Пушкиным. В докладе сообщалось, что явление это наблюдается почти во всех местностях западных окраин России. Плеве предлагал императору, не прибегая к мерам административного урегулирования, предоставить решение проблемы «упорствующих» светским учителям и пастырям православной церкви²¹.

Назначение после убийства В.К. Плеве в июле 1904 г. министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского означало, что верховная власть намеревается серьёзно приступить к разработке нового политического курса в религиозной и национальной политике. С целью реализации пункта шестого Указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» Комитетом Министров под председательством С.Ю. Вите был подготовлен проект Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости», утверждённый Николаем II 17 апреля 1905 г.

Положения указа должны были, по замыслу его разработчиков, устранить причины постоянной религиозной напряжённости в Царстве Польском и Западном крае путём снятия установленных ранее административных ограничений на деятельность духовенства католической церкви и разрешить проблему «упорствующих» путём упразднения тех привилегий православной церкви, которые позволяли ей удерживать своих членов от перехода в неправославные религиозные общины. Члены Комитета Министров считали: «Не подлежит сомнению, что намечаемое мероприятие должно послужить также к вящему возвеличению православной церкви и явиться могущественным орудием в руках её для борьбы с религиозными заблуждениями; опираясь не на содействие светских властей, а на кроткое учительство своих пастырей, Церковь достигнет в этом направлении более благих, чем когда-либо, результатов»²².

В результате действия Указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г. из православия в Римско-католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) 33 382 человека обоего пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилёвская, Минская) 22 404 человека. Всех отпавших от господствующей церкви на территории 6 губерний за этот период насчитывалось 55 786 душ обоего пола²³. Как видно из приведённых цифр, православие в регионе не понесло существенного урона. С отпадением «упорствующих» церковь избавилась от серьёзного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряжённые отношения между православными и католиками. Однако, решив одни проблемы, указ породил другие, не менее сложные.

К моменту выхода указа не был разработан бюрократический механизм, призванный урегулировать порядок перехода из православия в неправославные общины и поставить его под контроль государства и православной церкви. Католическая иерархия перехватила инициативу правительства и своими

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 111–113.

²² Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 48.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

решительными и умелыми действиями застала врасплох православный епископат, духовенство и массу верующих западных епархий. Уже 21 апреля Виленский римско-католический епископ Эдуард фон Ропп издал циркуляр приходскому духовенству, в котором изложил чёткий порядок действий относительно лиц, желавших на основании Указа принять католичество. Эта мера позволила Виленскому епископу стать на время хозяином положения. Фактически он и подчинённое ему духовенство выступили в качестве первых и непосредственных исполнителей царского указа на местах²⁴. Эффект оказался поразительным и совершенно неожиданным для правительства и православного духовенства. Под воздействием указа западные епархии пережили буквально волну переходов в католицизм, которая сопровождалась активной католической пропагандой.

По свидетельству православного духовенства, само издание Указа, вопреки его точному смыслу, расценивалось ксендзами как совершенно очевидное торжество католицизма над православием и понималось как право на свободу прозелитизма среди православных. Во многих костёлах Виленской епархии были отслужены благодарственные молебны за здоровье и благоденствие государя императора.

Поэтому уже 13 мая 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин вынужден был сделать Виленскому генерал-губернатору А.А. Фрезе следующее распоряжение: «В виду поступающих сведений о том, что римско-католические духовные лица, превратно толкуя Высочайший указ 17 апреля сего года о веротерпимости, позволяют себе пропаганду католичества, государь император повелевать соизволил Вашему Высокопревосходительству о необходимости принятия самых решительных мер к предупреждению означенной незаконной деятельности ксендзов и к разъяснению населению истинного смысла вышеозначенного указа»²⁵.

Однако действия растерянной администрации оказались неэффективными. В основном её деятельность ограничивалась наблюдением за неожиданной массовой вспышкой религиозного фанатизма, сопровождаемого демонстративными проявлениями политической лояльности католиков к российской монархии. В условиях объявления религиозных свобод губернаторы не решались прибегать к предписанному законом мерам по охранению «господствующего» православия. Архиепископ Литовский Никандр вынужден был обратиться к генерал-губернатору А.А. Фрезе с просьбой о защите православных приходов от проявлений религиозного насилия со стороны католиков. Литовский епархиальный съезд духовенства в заседании от 1 июня 1905 г. с горечью отмечал: «Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам католическое духовенство все усилия свои напрягает на то, чтобы прежде всего всех этих православных совратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы»²⁶.

В это же время 14 июля 1905 г. К.П. Победоносцев также обращается к генерал-губернатору в связи с донесением епископа Гродненского и Брестского Никанора о случаях открытого совращения православных в католицизм, сопровождаемого насилием и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор про-

²⁴ ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 1.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 9.

²⁶ ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Ч. II. Л. 1–7.

сит А.А. Фрезе оказать содействие духовенству в налаживании мирных отношений православных, возбуждаемых фанатизмом ксендзов, с католиками²⁷.

Общее настроение священников и верующих в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная нетерпимость, можно выразить так: государство нас бросило, нас некому защищать. Растерянность и отчаяние усугублялись ещё и тем, что католики распространяли слухи о том, что сам царь вместе с семьёй перешёл в католицизм, что «на высоте царского престола познали неправоту православия» и что скоро все священники и их паства, в соответствии с указом должны стать католиками. В пропаганде использовались также и мотивы социального престижа, когда католичество в противовес православию представлялось крестьянскому населению как «панская вера». Имелись случаи, когда в костёлах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере и разжигали в прихожанах национальную вражду к русским. Религиозная эйфория порождала национальные надежды на то, что наш Северо-Западный край – «забранный край» и он должен отойти целиком к полякам²⁸.

В ответ на многочисленные прошения о защите православного населения от принудительного обращения в католицизм генерал-губернатор 23 ноября 1905 г. издал циркуляр о том, чтобы губернские прокуроры принимали все меры по незамедлительной организации следствия по делам о насильственном совращении православных в католичество²⁹.

Совместными усилиями правительства, православной церкви и губернской администрации этно-религиозную ситуацию в Северо-Западном крае постепенно удалось стабилизировать. Непосредственно после Указа переходы были массовыми и осуществлялись, как правило, большими группами состоявшими из «упорствующих», «колеблющихся», и не устоявших перед психологическим террором. Затем выход из православия принял довольно умеренный характер и был поставлены под контроль губернской администрации, с обязательным увещанием «отпадавших» от церкви со стороны православных священников.

Например, в Минской епархии в течение 1908–1909 гг. в католицизм перешло около 960 человек. Стоит отметить, что уже в этот период сугубо религиозные причины отпадения от православия отходят на второй план. Как свидетельствуют многочисленные рапорты священников Минской епархии, занимавшихся увещаниями тех, кто оставлял православие, превалирующими мотивами добровольного перехода в католицизм становились соображения экономического и практического характера – выгодные браки с обретением более высокого социального статуса шляхты, желание семейного мира и единства в постах и праздниках в смешанных браках католиков и православных, необходимость сосуществования с соседями католиками в одной деревне, желание получить выгодную работу у католиков и т. д. Но всё же, несмотря на видимое успокоение, желанный межконфессиональный мир в западных епархиях так и не наступил.

Во-первых, правительство не смогло правильно оценить миссионерский потенциал католицизма в Северо-Западном крае, его поддержку со стороны польских землевладельцев, шляхты и сочувствовавшей им местной администрации. Не была учтена степень напряжённости и глубина религиозно-

²⁷ ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 100.

²⁸ Там же. Д. 405. Ч. II. Л. 46, 69, 83; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115.

²⁹ ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 169.

этнического противостояния в регионе. Реализация указа по времени совпала с началом революционных потрясений на западных окраинах России, расшатавших государственный порядок и общественную дисциплину. Поэтому в местностях с преобладанием католического населения, прежде всего в Виленской епархии, православие после издания Указа оказалось в положении обороняющейся стороны.

Во-вторых, католическое духовенство в этих местностях по-прежнему ставило каноническую традицию своей Церкви выше российского законодательства об охране привилегий православия. И хотя прозелитизм по-прежнему был запрещён, предоставленная указом возможность покинуть «господствующую» церковь позволила на практике продолжать незаконную прозелитическую деятельность. Главными объектами прозелитизма становились смешанные семьи и экономически зависимое от польских помещиков бедное крестьянство³⁰. Государство и после указа не отказалось от религиозного принуждения в такой сфере, как смешанные браки православных с инославными. Браки должны были обязательно совершаться в православном храме, и от инославных бралась подписка, что дети в таких семьях будут воспитаны в православной вере. Таким образом, облечённая в форму закона каноническая традиция «господствующего» православия вступала в конфликт с канонической традицией терпимой католической церкви.

По свидетельству православных священников, некоторые ксендзы, с целью предотвращения смешанных браков требовали от католической стороны под угрозой отказа в венчании, чтобы православная сторона обязательно переходила в католицизм. Выполняя таким образом свой пастырский долг, эти священнослужители отказывали от исповеди и Св. Причащения католикам в смешанных семьях до тех пор, пока православные члены семьи не принимали католическую веру³¹.

Факты религиозного принуждения со стороны ксендзов вызывали протесты православного духовенства и верующих, но весьма редко становились объектом судебного преследования в силу большой сложности в доказательстве «сворачиваний». Нередкими были случаи, когда православные крестьяне теряли работу в помещичьих имениях за отказ стать католиками. Религиозное принуждение, к которому ранее, до указа 17 апреля, прибегало государство, а теперь представители католической стороны, свидетельствовало о том, что нетерпимость – религиозная и этническая, продолжала оставаться фактом повседневной жизни семей и приходов Северо-Западного края до конца существования императорской России.

Литература:

- Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость: Сб. статей. СПб., 1906.
Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано при МВД П.Н. Батюшковым. СПб., 1890. С. 1, 373.
Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863г. Вильна, 1892.
Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мн., 1993.

³⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. Д. 37367. Л. 36–37; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220.

³¹ Журналы комиссии Государственной Думы по делам Православной церкви: Приложение к журналу № 9, 10 и 11; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 196, 189–192.

- Граф М.Н. Муравьёв.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863-1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1.
- Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896.
- Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. Мн., 1998.
- Котович И. прот.* Циркуляр виленского римско-католического епископа Зверовича к подведомственному ему духовенству // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12.
- Миловидов А.И.* Меры, принятые графом М.Н. Муравьёвым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900.
- Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьёва для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900.
- Политические записки графа М.Н. Муравьёва // Русский архив. 1886. № 6.
- Русский сборник: Исследования по истории России / Ред., сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Менниг, Пол Чейсти. М., 2008. Т. 5.
- Русское дело на окраинах: Сб. статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае / Сост. С.В. Шолкович. Вильна., 1887. Вып. 2.
- Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. Вып. 1.
- Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. Вып. 2.
- Снапкоўская С.У.* Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.). Мн., 2001. С. 132; *Яноўская В.* Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мн., 2002.
- Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // Lietuvos kataliku mokslo akademijos. Vilnius, 2005. Metrastis XXVI.
- Сталюнас, Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // Ab imperio. 2003. № 1.
- Шевченко К.В.* Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006.

A. Bendin

RELIGIOUS-ETHNIC PROBLEMS AND CONTRADICTIONS AT THE TERRITORY OF NORTHWEST EDGE OF RUSSIAN EMPIRE IN SECOND HALF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES

Summary

In article the problems caused by struggle of interests of the Russian government and Orthodox church on the one hand, and Catholic church, with another are considered. The author investigates the motives by which the contradictory sides in struggle for religious-ethnic domination in Northwest edge were guided. In article the transformations which have occurred in practice of the inter-religion relations after the edition of the decree about toleration on April, 17 1905 are investigated.

Keywords: ethnic consciousness, identity, toleration, church mission, russification, proselytism
